Время неумолимо идет вперед. Приходят и уходят поколения. Одни исторические события сменяются другими, но среди них есть такие, о которых необходимо помнить всегда, как бы далеко они не стояли от наших дней. Политические репрессии 20-50-х годов XX столетия – одна из самых трагичес-
ких страниц летописи нашей страны. За короткими строчками биографии каждого человека - его фамилия, тяжелая судьба, горе и слезы его семьи, искалеченные мечты и надежды.
Начиная с 1991 года, мы отмечаем 30 октября как одну из скорбных дат российского календаря – День памяти жертв политических репрессий. Голодовка солидарности узников мордовских и пермских лагерей 30 октября 1974 года и проводимые в последующие годы акции правозащитников привели к тому, что День памяти жертв политических репрессий в нашей стране установлен официально. (Постановлением Верховного Совета РСФСР от 18.10.91 N 1763/1-I «Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий»).
Память о национальных трагедиях так же священна, как и память о Победе.
«Волгой народного горя» называл Александр Солженицын бесконечный «поток» репрессированных в то время. В их числе оказывались талантливые, мыслящие, деятельные люди – цвет нации, ее золотой фонд, в число которых вошли известные личности: Анна Ахматова, Марина Цветаева, Александр Солженицын, Всеволод Мейерхольд, Варлам Шаламов, Дмитрий Лихачев.
С конца 1980-х – начала 1990-х годов снят гриф сек-
ретности с этой темы. Но уже выросло целое поколение, которое практически ничего не знает о трагедии, связанной с массовыми политическими репрессиями, с недоброй памятью о ГУЛАГе, служившим для тысяч и тысяч людей тюрьмой под открытым небом. Это были поистине истребительно-трудовые зоны для огромной страны. Никакие высшие государственные интересы не оправдывают миллионы искалеченных судеб и даже целых народов.
Нравственные и физические мучения коснулись не только самих репрессированных, но и их родных и близких. Клеймо «врагов народа» и их пособников легло на безвинных людей и целые семьи.

Уже 1918 год был отмечен расстрелом 3000 священнослужителей.
Самые же ранние репрессии советской власти, относящиеся к 1917–1918 гг. и эпохе Гражданской войны, документированы настолько фрагментарно и разноречиво, что их масштабы пока не установлены. Да и вряд ли вообще могут быть сделаны корректные оценки статистики «красного террора»: в этот период нередко имели место массовые бессудные расправы с «классовыми врагами», что, естественно, никак не фиксировалось в документах. Цифры, называемые в литературе, колеблются от 50–100 тысяч до более миллиона человек.

Чтобы было понятно, кого коснулась «чистка рядов», напомним об основных, наиболее массовых категориях жертв политичес-
ких репрессий в СССР.
Первая массовая категория – люди, арестованные по политическим обвинениям органами государственной безопасности (ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ) и приговоренные судебными или квазисудебными (ОСО, «тройки», «двойки» и т.п.)

инстанциями к смертной казни, к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке. По различным предварительным оценкам, за период с 1921 по 1985 г. в эту категорию попадает от 5 до 5,5 миллиона человек.

Другая массовая категория репрессированных по политическим мотивам – крестьяне, административно высланные с места жительства в ходе кампании «уничтожения кулачества как класса». В конце 1920-х - начале 1930-х годов было осуждено более 500 тысяч крестьян. Из рядов армии было «вычищено» 45 процентов командного состава как политически неблагонадежных.
Всего за 1930–1933 годы, по разным оценкам, вынужденно покинули родные деревни от 3 до 4,5 миллиона человек. Меньшая часть из них были арестованы и приговорены к расстрелу или к заключению в лагерь. 1,8 миллиона стали «спецпоселенцами» в необжитых райо-
нах Европейского Севера, Урала, Сибири и Казахстана. Остальных лишили имущества и расселили в пределах своих же областей. Кроме того, множество крестьян бежали из деревень в большие города и на индустриальные стройки, спасаясь от репрессий, коллективизации и массового голода, ставшего последствием сталинской аграрной политики и унесшего, по разным оценкам, жизни от 6 до 9 миллионов человек.

Третья массовая категория жертв политических репрессий – народы, целиком депортированные с мест традиционного расселения в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Наиболее масштабными эти административные депортации были во время войны, в 1941–1945 годах. Одних выселяли превентивно, как потенциальных пособников врага (корейцы, немцы, греки, венгры, итальянцы, румыны), других обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации (крымские татары, калмыки, народы Кавказа). Общее число высланных и мобилизованных в «трудовую армию» составило до 2,5 миллиона человек.
Кроме этих крупных консолидированных потоков в разное время имели место многочисленные политически мотивированные депортации отдельных национальных и социальных групп, в основном из пограничных регионов, крупных городов и «режимных местностей». Общее число представителей этих групп установить крайне сложно (по предварительной оценке с начала 1920-х по начало 1950-х годов – более 450 тысяч человек),
То же можно сказать о приблизительно 400 тысячах, депортированных в 1939–1941 годах с «новых территорий» – из Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии.
Общее число лиц, подвергшихся репрессиям не в судебном (или квазисудебном), а в административном порядке, составляет 6,5–7 миллионов человек.
Говоря об иных категориях населения, подвергшихся политическим преследованиям и дискриминации, нельзя забывать и о сотнях тысяч людей, лишенных гражданских прав за «неправильные» профессию или социальное происхождение, и о бессудно расстрелянных при подавлении крестьянских восстаний в 1920-е, о расстрелянных без приговоров в тюрьмах в 1941-м, и о расстрелянных на фронте в годы войны по приговорам Особых отделов, о репатриантах (в основном бывших «остарбайтерах» и военнопленных), принудительно работавших в фильтрационных лагерях, и о многих, многих других.

В количественном отношении пик репрессий пришелся на 1937–1938 годы – кампании самых жестоких и массовых убийств в отечественной истории, когда за два года по известной 58-й статье («контрреволюционные преступления») были арестованы более 1 миллиона 700 тысяч человек и не менее 725 тысяч из них были расстреляны – в среднем государство ежедневно убивало тысячу своих граждан. Но это лишь одна, хоть и наиболее кровавая террористическая кампания советской власти. В несколько меньших масштабах, с меньшей жестокостью подобные преступления совершались на протяжении всех семидесяти лет – с самого октябрьского переворота.
В сталинские годы было репрессировано около 60 народов. Это 2 463 940 человек, из них 655 674 – мужчины, 829 084 – женщины, 970 182 – дети до 16 лет.
В годы войны и первые послевоенные годы жестоким репрессиям подверг-
лись вышедшие из окружения, военнопленные и репатриированные советские граждане.
Общее количество военнослужащих, репрессированных в годы
войны, составило 994 тысячи человек, из которых 157 тысяч расстреляны.
3,5 миллиона человек было репрессировано по национальному признаку с середины 40-х по 1961 год.

Подсчитать точное число всех пострадавших от тоталитарного режима невозможно. По словам председателя комиссии по реабилитации при президенте Александра Яковлева, безвинно репрессированных – миллионы, и значительное число их нигде не было учтено. А ведь стране нельзя забывать, что именно заключенными ГУЛага в 1930-50-х годах велось строительство ряда крупных промышленных и транспортных объектов:
каналов (Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, канал имени Москвы,
Волго-Донской канал имени Ленина);
ГЭС (Волжская, Жигулевская, Угличская, Рыбинская, Нижнетуломская,
Усть-Каменогорская, Цимлянская и др.);
металлургических предприятий (НГМК и Нижнетагильский МК и др.);
объектов советской ядерной программы;
ряда железных дорог (Трансполярной магистрали, Кольской железной дороги, тоннеля на Сахалин, Караганда – Моинты – Балхаш, Северной железной дороги, Печорской магистрали, вторых путей Сибирской магистрали, Тайшет – Лена (начало БАМа) и др.) и автомобильных дорог.
Ряд советских городов был основан и строился учреждениями ГУЛага
(Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань, Дудинка, Воркута, Ухта, Инта, Печора, Молотовск, Дубна, Находка, Волжский, Джезказган).
Труд заключенных использовался также в сельском хозяйстве, в добывающих отраслях и на лесозаготовках. По данным некоторых историков на ГУЛаг в среднем приходилось три процента валового национального продукта.

Из документа «Записка С. Круглова И. Сталину об использовании труда выселенцев и спецпоселенцев. 23 июня 1950 г.» (Архив Президента Российской Федерации, ф.3, оп. 58, д. 180, л.18-20).
«Министерством внут-
ренних дел СССР получено указание о передаче МГБ СССР всей работы по спецпоселенцам и выселенцам, включая и работу по их трудовому устройству.
Мы приняли это указание к неуклонному исполнению и готовим все материалы по

передаче. Однако считаем необходимым доложить вам следующие соображения по этому вопросу.
МВД СССР выполняет специальные поручения Правительства по строительству предприятий и добыче золота, олова, вольфрама, кобальта и спецметаллов на территории Дальстроя; по строительству большого Норильского никелевого комбината; строительству шахт и добыче печорских углей; строительству железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке; развитию золотоплатиновой промышленности; строительству предприятий и добыче асбеста, слюды, апатитов и другие работы, на которых широко используется труд заключенных и спецпоселенцев. Наличие в распоряжении МВД СССР исправительно-трудовых лагерей и возможность использования на работах МВД спецпереселенцев и выселенцев дает возможность выполнять возложенные на МВД СССР большие народнохозяйственные задачи в отдаленных районах страны, где использование другой рабочей силы крайне затруднительно. Всего в Дальстрое, Норильском комбинате, Печорском угольном бассейне, золотоплатиновой, слюдяной и ас-
бестовой промышленности, а также на строительстве важнейших сооружений, порученных МВД, в настоящее время занято 211 000 спецпоселенцев и выселенцев вместе с членами их семей.
В настоящее время на учете в отделах спецпоселений состоит: спецпоселенцев 372 921 человек и выселенцев 2 251 490 человек. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года выселенцы расселены в местах поселения навечно. Министр внутренних дел СССР
С. Круглов».

А ведь кроме бесспорных жертв политического террора, были еще миллионы людей, осужденных за разные незначительные «уголовные» преступления и дисциплинарные проступки. Традиционно их не считают жертвами политических репрессий, хотя многие репрессивные кампании, которые проводились силами милиции, имели явно политическую подоплеку. Судили за нарушение паспортного режима, за бродяжничество, за «самовольный уход» с места работы (перемену места работы); за опоздание, прогул или самовольную отлучку с работы; за нарушение дисциплины и самовольный уход учащихся из фабричных и железнодорожных училищ; за «дезертирство» с военных предприятий; за уклонение от мобилизации для работы на производстве, на строительстве или в сельском хозяйстве, и т.д., и т.п. Только с 1941 по 1956 г. осуждено не менее 36,2 миллиона человек, из них 11 миллионов – за «прогулы»! Очевидно, что главная цель всех этих карательных мер – не наказать конкретное преступление, а распространить систему принудительного труда и жесткого дисциплинарного контроля далеко за границы лагерей и спецпоселений. В терминологии тогдашней власти это значило «установить твердый государственный порядок».
Кто и чем теперь оплатит этот непосильный труд смертельно напуганных, усталых и голодных людей? Как много задолжало наше государство этим безвинным жертвам? Как можно компенсировать оставшимся в живых эти страшные годы их жизни?

Реабилитация жертв политических репрессий началась в СССР в 1954 году. В середине 1960-х эта работа была свернута и

возобновилась лишь в конце 1980-х годов.
18 октября 1991 года был принят Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». Целью закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подверг-
нутых таковым на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба.
В 1992 году была создана Комиссия при Президенте по реабилитации жертв политических репрессий, а 14 марта 1996 года вышел Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий».
По данным Генпрокуратуры, всего за время действия закона «О реабилитации жертв политических репрессий» пересмотрено 636 302 уголовных дела в отношении 901127 человек, из которых 637614 реабилитировано. В том числе речь идет о делах, имевших большой общественный резонанс, в частности, о реабилитации танцовщика Рудольфа Нуриева, Патриарха Тихона и его окружения, известных деятелей меньшевистской партии – Марка Бройдо, Николая Суханова, ученого-биолога Николая Тимофеева-Ресовского.

Какую помощь оказывает государство реабилитированным жертвам политических репрессий? «Льготы репрессированным, а впоследствии реабилитированным гражданам – особая категория мер социальной поддержки». Заметьте: не компенсации, а меры социальной поддержки. Достаточно ли каких-либо преференций для людей, чьими руками построена практически половина страны? Не слишком ли малую цену платит государство за свои позорные страницы истории?

В советский период истории Камчатки репрессиям подверглись более 2,5 тысяч жителей. Сегодня в Камчатском крае, по данным нашего министерства труда и социального развития, проживают 344 человека реабилитированных.
Федеральное законодательство специализированных мер социальной поддержки для жертв необоснованных политических репрессий не предусмат-
ривает – таковые устанавливаются на уровне регионов. И это, несмотря на то, что репрессии проводились в масштабе государственном. Единственная государственная преференция для пенсионеров этой категории – право на получение денежной компенсации, закрепленное в статье 15 закона № 1761-1.
Что может предложить отдельно взятый регион, если государство полностью возложило на него «возврат своих долгов гражданам»?
С января 2014 года размер выплат, полагающихся им, составляет ЕДВ (ежемесячная денежная выплата) – 544 рубля плюс ежемесячная денежная компенсация части оплаты ЖКУ (ЕДК). Еще в честь юбилейных дат рождения от 80 до 100 лет «гражданам осуществляется выплата единовременной материальной помощи в размере 1 000 рублей.
Также в крае реабилитированным гражданам положено «бесплатное зубопротезирование, компенсация расходов, связанных с проездом на любом транспорте один раз в год в размере 50 % от стоимости проезда, бесплатная установка телефона, бесплатная юридическая помощь, компенсация расходов, связанных с

погребением реабилитированных лиц». Следует напомнить, что такие меры социальной поддержки предусмотрены далеко не во всех регионах.
Но все же не оставляет ощущение, что соотношение «затрат» при прошлой жизни репрессированных граждан и нынешней – реабилитированных – не говорит о хотя бы какой-то справедливости для выживших в те страшные годы.
О тех кошмарных годах сегодня напоминает лишь Книга памяти жертв репрессий Камчатской области «Из тьмы забвенья», изданная в 2010 году в Твери (составитель В.А. Шарипова), которая содержит имена 2500 тысяч человек, 411 из которых реабилитированы, да стилизованный крест из андезита, обработанного под «скалу» на улице Ленинской (В центре – ниша для свечи. На основании-валуне – алюминиевая доска с надписью «Памяти жертв политических репрессий»), открытый 10 июня 1998 года, установленный по инициативе Камчатского общества «Мемориал» и на средства Камчатского общества «Мемориал», КРО партии «Демократический выбор России» при помощи администрации Камчатской области.
Разумеется, сведения о репрессированных и в нашей Книге памяти неполны, и сколько на самом деле погибло в лагерях жителей полуострова – неизвестно. Как неизвестны и места захоронения расстрелянных на Камчатке. В биографических справках казненных, составленных УФСБ по Камчатской области, указывалось: «место захоронения неизвестно». В конце 80-начале 90-х годов Камчатский «Мемориал» искал сведения о местах массовых расстрелов и захоронений, и одним из таких мест старожилами указывалась бухта Бабия. Были свидетельства и того, что тела расстрелянных, а то и живых еще людей, вывозили на баржах и топили в море.
Так, камчатским мемориальцам попал в руки документ, который четко свидетельствовал – слухи о таких баржах и катерах не досужие выдумки.
«АКТ
Приговором Камчатского Отделения Военного Трибунала от 13 апреля 1935 г. УСАЧЕВ Григорий Иванович, 50 лет, из крестьян
Тигильского района, ст. 58 лит. 2, б, 7 и 11 УК приговорен к Высшей мере уголовного наказания – расстрелу. Приговор этот согласно телеграммы Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР от 10 июля 1935 г. за
№ 15042 утвержден и предложено привести в исполнение.
На основании этого, ввиду нахождения в командировке Председателя Трибунала, мною - Предоблсуда БОБЫКИНЫМ, совместно со ст. Уполномоченным П/О ПАНКОВЫМ и Комендантом О.О. УГБ ЗАЯРНЫМ, в присутствии ЗамОблпрокурора КРУПЕНИНА означенный приговор над шпионом УСАЧЕВЫМ приведен в исполнение сего 11 июля в 23 часа 30 минут местного времени на море, в 6 километрах от г. Петропавловска в юго-западном направлении. Труп шпиона УСАЧЕВА с привязанным грузом на месте расстрела спущен в море...»

Этот акт касается только одного человека, но где на Камчатке нашли упокоение сотни других, это и поныне остается тайной. А что стало с теми, кто вынужден был отбывать срок на каторге? Хотелось узнать о дальнейшей судьбе этих людей.

Казалось бы, сегодня у наших народов нет более важной задачи, чем разобраться в причинах и осознать масштабы постигшей нас катастрофы – не какой-нибудь страшной эпидемии, а гуманитарного бедствия, сотворенного собственными руками. И

необходимым условием выполнения этой задачи, конечно же, будет восстановление в полном объеме памяти о терроре, подробности которого десятилетиями скрывались и замалчивались. И, в частности, – увековечение памяти жертв.
Такая работа ведется в течение уже почти двух десятилетий. Результаты, однако, не слишком утешительны. Вместо памятников жертвам политических репрессий, которые предполагалось воздвигнуть, в большинстве случаев по-прежнему стоят закладные камни, установленные еще на рубеже 1980–1990-х годов.
Не создан в России общенациональный Музей политических репрессий. А в экспозициях региональных историко-краеведческих музеев теме репрессий если и уделено какое-то место, то, как правило, самое незначительное.
На мемориальных досках, установленных в честь тех наших выдающихся сограждан, которые были расстреляны или погибли в лагерях, отсутствуют любые упоминания об их трагической смерти.
Выявлена и отмечена памятными знаками лишь малая часть мест массовых захоронений казненных. А тысячи кладбищ возле бывших лагерей и трудпоселков утрачены безвозвратно: они превратились в пустыри, распаханы, заросли лесом, на их месте выстроены новые жилые массивы или промышленные комплексы. До сих пор миллионы людей не знают, где зарыты их родители, деды и прадеды.
Но, пожалуй, самый важный из не отданных нами долгов – это имена жертв.
«Всех поименно назвать» – задача эта и сегодня далека от исполнения.
В разных регионах бывшего Советского Союза готовят и издают Книги памяти жертв политических репрессий. Основное содержание этих книг – краткие биографические справки о расстрелянных, отправленных в лагеря, насильственно депортированных в трудпоселки, мобилизованных в трудармии. Эти справки нужны сотням тысяч людей и в нашей стране, и в других странах мира, где живут наши соотечественники, для того, чтоб найти хоть какие-то сведения о судьбах родственников. Они нужны историкам, краеведам, учителям, журналистам. Но даже если биография человека включена в какую-то из Книг памяти, об этом очень трудно узнать: такие книги издаются обычно маленьким тиражом (от 100 до 1000 экземпляров) и в продажу почти не поступают. Даже в главных библиотеках России нет полного комплекта изданных мартирологов.
Так что в деле восстановления памяти о людях, о каждом в отдельности, мы все еще в начале пути. Главная работа по-прежнему впереди.

Наряду с памятью о героических победах нашего народа, мы обязаны помнить и эти «черные» страницы истории. Эти трагические страницы не вычеркнуть, не забыть.
Не забыть – в этом основной смысл Дня памяти жертв политических репрессий: забывший обречен на повторение ошибок.

Татьяна СЕМЕНОВА.
По информации из открытых источников
и российских СМИ.